

Утро в бедной крестьянской избе встретило Гу Шоусиня тусклым светом. Тишина нарушалась лишь тихим шорохом. Он лежал в постели, не желая вставать. Внезапно раздался стук в дверь. "Что случилось?" - проворчал он, нехотя поднимаясь. Перед ним стояла худенькая, бледная девочка с грустными глазами. "Отец, матушка велела тебя разбудить. Мойся и иди есть", - тихо прошептала она. "А, понятно", - буркнул Гу Шоусинь. Он не знал, как себя вести с детьми. Ему всегда были чужды эти маленькие создания, и даже сейчас, несмотря на свою радость от их появления, он чувствовал себя неуютно. Словно в тумане, он проследовал в кухню, выполняя ритуалы, которые вернулись к нему из далекого прошлого. Он умывался, чувствуя отчужденность от этой новой жизни. Ведь он уже не был простым крестьянином Гу Синем. Он был Гу Шоусинем, могущественным вельможей из династии Чжоу. Ему было девять тысяч лет, он был на пороге бессмертия - всего тысяча лет отделяла его от вечной жизни. Но его судьбу сломала кастрация - он не мог преодолеть черту в десять тысяч лет, вечно оставаясь на краю вечности. Три дня назад он проснулся в этом незнакомом теле, в бедной избе, и с теми же тремя днями он боролся со своей новой реальностью. "Хорошо, очень даже хорошо," - говорил себе Гу Шоусин, стараясь принять свою судьбу. У него была жена, две дочери - это было великолепно. Девочка, Гу Синь, наблюдала за отцом, уходящим из комнаты. Как изменилась его походка! Теперь он держал спину прямо, в его движениях ощущалась сила и жизнь. Она мечтала о таком отце, о такой мужской силе. В сердце девочки затеплилась надежда. С нетерпением она хотела узнать, изменилась ли ее сестра, стала ли она такой, как она всегда мечтала. "Сестра, ты проснулась?" - спросила она, стуча в дверь комнаты сестры. В комнате Гу Нянь, уже несколько раз открывая и закрывая глаза, пыталась понять, чего от нее хотели. Она носила эту телесную оболочку, находилась в этом чужом мире. Как же она очутилась здесь? Она только читала историю о крестьянах, а тут она сама оказалась в этом мире, в этой же семье, с тем же именем. И даже воспоминаний о прежней жизни у нее не было. Как же еще жить в этой беде? Она видела свои вещи, узнала свое имя. А что было раньше, она не помнила. Она боялась! "Сестра, ты проснулась?" - спросила Гу Синь, снова стуча в дверь. Ее родители изменились, она набралась смелости, чтобы постучать в второй раз. "Да," - ответила из комнаты Гу Нянь. Ее голос был равнодушен. Как она понимала, ее сестра за три дня сказала всего несколько слов, когда носила им еду. Сестры, вероятно, не очень друг с другом ладили. Младшая сестра, возможно, все еще боится ее. Поэтому Гу Нянь решила вести себя холоднее. Она смотрела на незаконченную вышивку у окна, чувствуя, как ее поглощает отчаяние. Эта большой кусок вышивки был почти готов. Значит, у прежней хозяйки были золотые руки. А она, без памяти, без навыков, что она может сделать? "Сестра, матушка велела умыться и идти есть," - сказала Гу Синь, с нетерпением глядя на деревянную дверь. Ей хотелось, чтобы ее сестра открыла дверь, как отец, и улыбнулась, как мать. В комнате Гу Нянь вцепилась в волосы и закричала в душе. Ее мать скоро придет ее видеть. Что ей делать? Что ей делать? Притвориться больной? Но прошло уже три дня! Три дня! Она не болела, не страдала. А что, если ее уже вызвали врача? Как же главные герои в романах о путешествиях во времени делали? Почему она не может вспомнить? "Я хочу плакать..." - подумала Гу Нянь.